

Ю.А. Борисёнок:

«Сочинская Олимпиада станет доказательством того, что существует новая Россия, которая может даже в субтропиках провести зимние игры»

Интервью кандидата исторических наук, главного редактора журнала «Родина», одного из авторов книги «История российского спорта» **Юрия Аркадьевича Борисёнка** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Юрий Аркадьевич, спорт, точнее – большой спорт, в наше время – это всё – и большая экономика, и большая политика, и большой бизнес. И, увы, большой криминал. В случае с Олимпиадой в Сочи спорт в определенном смысле оказывается существенным обществообразующим и государствообразующим феноменом. Вы являетесь одним из авторов фундаментального исследования по истории российского спорта. Поэтому начать наш разговор хотелось бы с такого вопроса: была ли в нашем прошлом – довоенном ли, до-революционном ли – такая же или хотя бы похожая, так сказать, спортомания, какую мы сейчас наблюдаем в связи с приближающейся Олимпиадой? Понятно, что такой, наверное, не было. А что было? Как вообще формировалось отношение к большому спорту в нашей стране?

– Большой спорт с том понимании, в каком он существует сейчас, появился во второй половине позапрошлого века, точнее даже в 1890-е

годы. Именно тогда мода на занятия физкультурой привела к тому, что из популярного и во многом элитарного хобби спорт превратился в статусное зрелище, спортивные состязания стали массовыми общественными мероприятиями. На этой волне несколько спортивных энтузиастов из разных стран организовали в 1896 году в Афинах первые в современной истории Олимпийские игры, которые были представлены как возрожденное одноименное античное действо. Однако на самом деле общим у этих игр с играми древнегреческими было разве что лишь одно название. То, что возродилось в конце XIX века под вывеской олимпийского движения, как раз и явилось феноменом большого спорта как массового увлечения.

– Этот феномен, конечно, дал о себе знать сначала на Западе. А Россия на-долго отстала в этой новой моде?

– Подобное массовое увлечение появилось на Западе и в Российской империи примерно одновременно. Хотя,

конечно, наша страна все-таки заметно отставала в распространении этого нового спортивного масскульта. Но тем не менее уже на играх 1900 года российские спортсмены попали в число 1330 участников соревнований, но каких-либо следов их реального присутствия на соревнованиях так и не нашлось. На Олимпиаде 1908 года в Лондоне борцы Николай Орлов и Александр Петров сумели завоевать первые в отечественной олимпийской истории медали — серебряные, а 30 октября 1908 года фигурист Николай Панин-Коломенкин выиграл и первое для России олимпийское золото. В 1912 году Россия приняла участие в V Олимпиаде в Стокгольме. К этому времени уже был создан Российский олимпийский комитет, а само участие наших спортсменов в Олимпиаде в Швеции стало восприниматься, в том числе и на самом «верху», как важное политическое событие. Ожидавшиеся там победы расценивались властью как достойный фон для двух больших патриотических юбилеев — 100-летия Отечественной войны 1812 года и приближавшегося в 1913 году 300-летия Дома Романовых. Но взять Стокгольм гусарским наскоком не удалось. Подготовка к играм велась хаотично, а круг потенциальных олимпийцев, как правило, ограничивался Петербургом, Москвой и спортсменами в офицерских погонах. В итоге — вполне естественный провал: ни один из членов сборной России не стал чемпионом, и с четырьмя медалями Петербург разделил с Венной 15-16-е места в неофициальном командном зачете. Общественность тогда метко окрестила олимпийские результаты России «спортивной Цусимой». Ну, а на следующей Олимпиаде мы оказались только через 40 лет. Конечно,

за это время спорт в нашей стране не просто достиг высот, которые и не снились первым российским олимпийцам. Он изменился качественно — стал действительно массовым благодаря соответствующей политике советского руководства, рассматривавшего спорт как важный элемент военной подготовки. Ведь чтобы дать отпор врагу, надо быть физически сильным и выносливым. Поэтому на Олимпиаду в Хельсинки в 1952 году мы приехали подготовленными неизмеримо лучше, нежели 40 лет назад.

— Удивительно, ведь 52-й год — это, можно сказать, пик послевоенного сталинского режима. Это также время уже довольно жесткого противостояния с Западом — холодная война в полном разгаре. И в такой обстановке мы едем на Олимпиаду. Почему советское руководство все-таки решило отпустить советских спортсменов в Хельсинки? Чтобы показать спортивную силу нашей страны?

— Ну, во-первых, Советский Союз приглашали на Олимпиады и в период между Первой и Второй мировыми войнами, однако в Москве после-

Сборная СССР по хоккею на Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо

Уже в 1956 году, когда мы первый раз участвовали в обеих Олимпиадах – зимней в Кортина д'Ампеццо и летней в Мельбурне, – наш триумф был абсолютным. Никакие американцы и никакие другие зарубежные спортсмены не смогли составить Советскому Союзу конкуренцию в командном зачете.

довательно отказывались. Вторых, приглашали и на первые послевоенные Олимпиады – и зимнюю, и летнюю, – которые состоялись в 1948 году. Кстати, на момент приглашения холодная война еще не разгорелась в полную силу – а значит, и союзнические отношения с державами антигитлеровской коалиции не были забыты. Поэтому в принципе на какой-то остаточной волне настроения 1945-го советские спортсмены могли бы в них поучаствовать. Но этого не произошло – и на этот раз предпочли воздержаться. А вот через 4 года Сталин принимает прямо противоположное решение. И понятно почему – к 1952 году

противостояние с Западом уже достигло апогея, и вождю было важно нанести поражение нашим противникам хотя бы в спортивных состязаниях и тем самым продемонстрировать мощь державы. Чтобы лучше подготовиться к такому противостоянию, решили отказаться от участия в зимней олимпиаде в Осло – дабы особенно тщательно подготовиться к летним играм в Хельсинки. Вообще, надо сказать, что решение о возвращении в олимпийское движение принималось тогда на самом высоком политическом уровне, досконально взвешивались все плюсы и минусы, пристально оценивали шансы на победу в тех или иных видах спорта.

Результат советских спортсменов в Хельсинки был просто фантастический. Историки спорта до сих пор спорят, которая из сверхдержав – Соединенные Штаты или Советский Союз – была первой в командном зачете. Вообще-то, конечно, командный зачет – это неофициальный показатель, хотя всеми государствами и повсеместно принятый и разделяемый по умолчанию. Этот неофициальный показатель не имеет ничего общего с подходом собственно олимпийским, в соответствии с которым засчитываются лишь полученные спортсменами медали. А командный зачет предполагает дотошный подсчет завоеванных позиций вплоть до восьмых мест. Ну, правда, завоевать восьмое место на Олимпиаде 1952 года было не так уж и сложно – в отличие от нашего-то времени: конкуренция за 60 с лишним лет возросла многократ-

но, особенно после того как Международный олимпийский комитет в 1986 и 1987 годах принял решения о допуске профессионалов на Олимпийские игры. Но вместе с тем командный зачет очень удобен, если рассматривать олимпийские итоги с точки зрения престижа страны. И уже в 1956 году, когда мы первый раз участвовали в обеих Олимпиадах — зимней в Кортина д'Ампеццо и летней в Мельбурне, — наш триумф был абсолютным. Никакие американцы и никакие другие зарубежные спортсмены не смогли составить Советскому Союзу конкуренцию в командном зачете.

— **На этой Олимпиаде мы стали чемпионами даже по футболу!**

— Да, потом мы повторили этот успех через 32 года на Олимпиаде в Сеуле в 1988-м, где советская сборная по футболу также получила золотые медали. С тех пор нашему футболу подобные результаты, увы, даже и не снятся. Но, правда, футбол или хоккей — это всего лишь одна медаль. Пускай чрезвычайно престижная, но одна. А для командного зачета важно суммарное количество медалей. И этот, так сказать, государственный подход к участию в Олимпиадах сохраняется и поныне, в то время как основной олимпийский принцип — главное не победа, а участие — у нас не работает. Мы, конечно, с интересом смотрим, как граждане Кении берут в руки лыжные палки и пытаются преодолеть ту или иную олимпийскую дистанцию или как выступают монгольские горнолыжники. Но себя мы в таком же качестве представить не можем — для нас по-прежнему исключительную роль играет престиж страны, который во что бы то ни стало нельзя уронить. Хотя в последнее время, особенно на зимних

Олимпиадах, у нас это получается все хуже и хуже. Да, можно назвать объективные причины неудач российских спортсменов.

— **Вы имеете в виду плохое финансирование, слабую тренерскую квалификацию, недостаточную работу по ротации спортсменов — то есть нерегулярный приток в нашу олимпийскую команду талантливых молодежи?**

— Да даже и не это — в конце концов, при желании подобные проблемы вполне решаемы и преодолимы. Я имею в виду действительно не зависящие от нас обстоятельства. К примеру, такое. После того как Олимпиады во второй половине 1980-х стали профессиональными, о чем я уже говорил, в число олимпийских соревнований, особенно зимних, включено очень много новых видов спорта. В Сочи разыгрывается 98 комплектов медалей, по большинству из которых у нас нет никаких шансов даже в принципе. Дело в том, что эти новые олимпийские виды спорта придуманы, как правило, не у нас, а в Северной Америке, причем обычно на неформальном уровне — скажем, студентами. Эти виды спорта становятся популярными — главным образом благодаря телевидению. Но опять-таки повторю — популярны они на Западе, точнее даже в Америке, а у нас ими никто не занимается. Поэтому когда такие виды спорта попадают в олимпийскую программу, мы не успеваем подготовить по ним конкурентоспособных спортсменов.

— **Типа кёрлинга?**

— Да нет, кёрлинг-то у нас как раз развивается. А вот на хафпайп мы смотрим как на экзотику. Да этот вид спорта и замышлялся как студенческая забава. Поэтому если подходить к сочинской Олимпиаде с позиции старых — в своей основе сталинских — стандартов

типа командного зачета, либо общего числа медалей, либо количества только золота, то она изначально обещает быть для нас... ну, не очень выигрышной. Да, очень бы хотелось верить в нашу громкую победу — тем более у себя дома. Но трезвый анализ возможностей российских спортсменов накануне Олимпиады не дает никаких оснований для такого оптимизма. По результатам выступлений на различных этапах Кубка мира по зимним видам спорта, который обычно предшествует Олимпиаде, видно за 3 недели до Сочи — а мы с Вами говорим в середине января, — что нам реально рассчитывать разве что на восьмое место в медальном зачете. Ну, максимум четвертое место можем получить по общему числу медалей, что наверняка не входит в планы организаторов Олимпиады — если иметь в виду поддержание государственного престижа России.

— **Юрий Аркадьевич, я все-таки хочу еще раз вернуться к тому, с чего начал, — к нынешней спортомании. В последние десятилетия спорт стал очень ходовым, так сказать, товаром на медийном рынке. Значит, на такой товар существует устойчивый спрос. Чем Вы объясните подобный маркетинговый успех? Почему сегодняшний обыватель — как на Западе, так и у нас — не может себе представить свой день без трансляций с соревнований и даже без обычных новостных спортивных сводок?**

— Дело в том, что в современном глобализированном и компьютеризированном обществе очень мало по-настоящему качественных зрелищ в режиме реального времени. Парадоксально, да? Казалось бы, технических возможностей для производства подобных зрелищ несравнимо больше, чем прежде, но на рынке предложений почти сплош-

Хаф-пайп

В Сочи разыгрывается 98 комплектов медалей, по большинству из которых у нас нет никаких шансов даже в принципе. Дело в том, что эти новые олимпийские виды спорта придуманы, как правило, не у нас, а в Северной Америке, причем обычно на неформальном уровне – скажем, студентами. Эти виды спорта становятся популярными – главным образом благодаря телевидению.

ные фейки, примитивные поделки, придуманные забавы. И спорт на этом фоне остается одной из немногих территорий, где имеются именно та-

кие зрелища. Конечно, не надо обольщаться. В спорте есть и допинг, и договорняки, и разные другие закулисные игры. Это было всегда – и, по-

лагаю, останется впредь. Но тем не менее на сегодняшний день спорт является все-таки лучшим и наиболее конкурентоспособным зрелищным товаром. К тому же в ситуации, когда очередная мировая война уже представляется невозможной – хочется в это верить, – спорт создает возможности для выхода естественных для человека адреналиновых эмоций, но только в мирных сражениях и поединках – как для самих участников, так и – что гораздо более важно – для массового стороннего наблюдателя.

– Да, но мы еще помним те времена, когда спортивные баталии воспринимались как просто продолжение внешней политики, только другими средствами. В связи с эти вспоминаются наши легендарные сражения с канадскими хоккеистами. Или полное интриг противостояние Карпов–Корчной.

– Да, история спорта знает массу примеров тому. Не будем идти далеко – вспомним все ту же нашу первую – для СССР – Олимпиаду 1952 года. На ней наша футбольная сборная потерпела поражение от сборной Югославии. Было два матча. В первом мы сыграли вничью – 5:5. А вот во втором матче проиграли «злейшим врагам товарища Сталина», «натовским наймитам», «фашистской клике Тито–Ранковича» со счетом 1:3. Нетрудно догадаться, что по итогам Олимпиады были сделаны соответствующие оргвыводы – была разогнана лучшая на тот момент футбольная команда Центрального дома Советской армии.

– То есть обошлось без более серьезных последствий?

– Безусловно, 1952 год – время невегетарианское, но тем не менее более трагичных оргвыводов тогда не последовало.

– **Весь наш небогатый опыт организации Олимпиад – я имею в виду летние игры 80-го**

и предстоящие зимние в Сочи — предельно политизированы. Наши оппоненты и тогда чинили, и сейчас чинят нам массу препятствий. То есть и тогда, и сейчас проведение Олимпиады — это своего рода способ отстаивания наших геополитических интересов.

— Да, большая политика была ощутимым фоном XXII летних Олимпийских игр 1980 года в Москве — она остается фоном и Олимпиады под тем же номером, только зимней, в Сочи. В этом смысле даже показательно сравнить обе Олимпиады. Впервые о возможности бойкота сочинской Олимпиады наши оппоненты заговорили уже через год после принятия решения о ее проведении в России — в августе 2008 года, когда произошли известные события вокруг Грузии. Если бы на дворе был 1980 год, то бойкот Олимпиады скорее всего стал бы свершившимся фактом. Но, к счастью, эпоха бойкотов Олимпиад по политическим мотивам закончилась. В 1980 году бойкот московской Олимпиаде был объявлен при практически аналогичных обстоятельствах — с формальной точки зрения, разумеется, — после ввода советских войск в Афганистан, что — по меркам того времени — было уникальным случаем вмешательства в дела другого государства. Но тогдашний президент США Картер решил сыграть на этом ради повышения собственных политических акций в преддверии предстоящей президентской кампании и выступил с инициативой бойкота московских игр. Но бойкот Картеру не помог — его не переизбрали. Зато его инициатива ударила по спортсменам стран, поддержавших бойкот, — они лишились возможности приехать в Москву и стать олимпийскими чемпионами или вынуждены были выступать под олимпий-

ским флагом вопреки позиции собственных властей. А ведь Олимпиады проводятся раз в четыре года, и век спортсмена небесночеловечен. Через четыре года уже с нашей стороны последовал симметричный ответ — при Черненко мы отказались ехать на Олимпиаду в Лос-Анджелес и не пустили туда наших восточноевропейских товарищей за исключением Румынии. Между тем сила советского спорта на тот момент была исключительной, и вполне возможно, что мы упустили шанс не просто выполнить сталинские установки насчет сбора медального золота, но сделать это на территории нашего главного противника. В конце концов, и в Москве, и в Вашингтоне осознали бесперспективность политики олимпийских бойкотов. И уже в годы перестройки Советский Союз принимает решение ехать на Олимпиаду в Сеул, хотя с Южной Кореей у нас тогда даже не было дипломатических отношений. И этот шаг Москвы тем более обращал на себя внимание, что с Соединенными Штатами дипломатические отношения у нас имелись, поэтому не ехать в 1984-м в Лос-Анджелес формальных поводов не было — кроме разве что желания отомстить этим проклятым империалистам за бойкот Олимпиады-80. Вместе с тем московская Олимпиада и с точки зрения ее организации, и с точки зрения достигнутых на ней спортивных результатов состоялась, несмотря на бойкот. Конечно, если бы в Москву приехали все те, которых не пустили их правительства, подчинившиеся решению Вашингтона, мы выиграли бы не 80 золотых медалей, а меньше — но не критически меньше. В любом случае сила тогдашнего советского спорта была бы доказана.

— Если брать сочинскую Олимпиаду — многое ли изменилось?

То, что большая политика и на этот раз дает о себе знать очень настойчиво, это очевидно. Но все же есть какие-то перемены — в стилистике, в тональности этой политической составляющей — по сравнению с Олимпиадой-80?

— Сейчас, безусловно, Олимпиады — как и спорт в целом — политизированы несравнимо меньше. Точнее, большой спорт, конечно, остается политизированным, но просто многие из приемов его увязывания с большой политикой по умолчанию считаются недопустимыми, недостойными уважающих себя государств. Но какие-то подобного рода акции — менее масштабные и менее значимые — по-прежнему практикуются, никуда они не делись. Возьмем хотя бы язвительные публикации в британской прессе по поводу проведения Чемпионата мира по футболу 2018 года в России. Можно не сомневаться в том, что британские СМИ будут продолжать себя вести так же вплоть до 2018 года. Видимо, это просто такой стиль корпоративного поведения, типичное проявление характерной национальной манерности — пускай даже и во вред себе. Ведь хорошо известно, что Англия проиграла соревнование за право проведения футбольного первенства 2018 года во многом именно из-за тяжелых публикаций британских спортивных журналистов о членах исполкома ФИФА. Если бы не эти публикации, то англичане вполне могли бы получить чемпионат 2018 года. Тем более что с 1966 года у них не было Чемпионата мира по футболу. Все-таки родоначальники футбола имеют право на такой праздник — самое главное в мире событие, связанное с этой игрой. То есть такого рода акции были и будут, а вот призывы к бойкоту Олимпиады больше не раздаются, даже со стороны

На Олимпиаде 1952 года наша футбольная сборная потерпела поражение от сборной Югославии. Было два матча. В первом мы сыграли вничью – 5:5. А вот во втором матче (на фото) проиграли «злейшим врагам товарища Сталина», «натовским наймитам», «фашистской клике Тито–Ранковича» со счетом 1:3.

Грузии – ее спортсмены придут в Сочи.

– То есть большая политика по-прежнему присутствует в большом спорте – разве что подобный симбиоз стал несколько более, как сейчас любят выражаться, политкорректным. Но в таком случае впервые заявленный перед Олимпиадой в Хельсинки принципиальный советский подход к мировым первенствам как к мирным сражениям с нашими оппонентами действует и поныне? Только надо что-то подрегулировать, привести в соответствие с эпохой? Вообще если брать шире и не только в смысле внешнеполитического аспекта большого спорта, что в действующих сегодня у нас подходах к мировым соревнованиям – в том числе к Олимпиадам – нуждается в корректировке?

– Мне кажется, что сталинская установка на максималь-

ное количество медалей или на безусловную победу в неофициальном командном зачете должна быть снята как лозунг. Эта установка – своего рода рудимент эпохи, когда у нас было принято считать, что, как пел Визбор, «в области балета мы впереди <...> планеты всей». И хотя «в области балета» Россия по-прежнему на первом месте, от такой пропагандистской установки пора отказаться. Потому что очень часто спортивные неудачи тяжелы вдвойне, если накануне их наши медийные ресурсы, особенно телевидение, предрекали нам безусловную победу. Поэтому возьму на себя смелость сделать следующий осторожный прогноз. Исход сочинской Олимпиады будет положительным уже хотя бы потому, что не произойдет такого провала, какой случился на последних зимних

играх в Ванкувере, где мы смогли выиграть только 3 золотые медали и к тому же потерпели сокрушительное поражение в хоккее от канадцев. Такого в нашей спортивной истории не случалось уже довольно давно. А лучше Ванкувера – это уже хорошо, это уже подъем на новый уровень. Да и главное, что Россия получила возможность провести этот яркий мировой спортивный праздник.

– Второй раз в истории, после 34-летнего перерыва, мы снова принимаем у себя Олимпийские игры. Давайте сравним обе Олимпиады – в Москве и в Сочи – вот по какому критерию. В 80-м, безусловно, действовала, как Вы охарактеризовали, сталинская установка на получение нашими спортсменами максимального количества медалей и на первенство в командном зачете. Но вместе с тем явственно чувствовалась и другая установка – и по своему накалу она даже где-то превосходила первую, – а именно: провести Олимпиаду на высоком уровне, особенно в ситуации устроенного нам бойкота. Но

вместе с тем не только провести достойно, но и с максимальными результатами для себя. Сегодня, как мне кажется, очевиден перекокс в сугубо организационную сторону: чтобы все прошло нормально, без каких бы то ни было эксцессов. Выиграть медали, конечно, хорошо бы, но главное — достойно справиться с миссией организатора Олимпиады. Это так?

— Да, я думаю, что в первую очередь — достойное проведение. И такая установка как раз является вполне оправданной. Тем более что 2014 год принципиальным образом отличается от 1980 года. Какое бы ностальгическое чувство мы ни испытывали по позднесоветской эпохе, наше общество тогда было закрытым и режимным. Давайте вспомним, чем сопровождалась Олимпиада-80? Высылкой из Москвы всех нежелательных элементов — алкоголиков, проституток, — вообще закрытием столицы для всех тех, для которых это только было возможным. Избавлялись даже от школьников и студентов, кроме задействованных в обслуживании игр. Всё это, конечно, совершенно замечательные с точки зрения сегодняшней повседневности факты. А вспомним знаковые атрибуты Олимпиады-80 — джем в миниатюрных упаковках, сок в маленьких пакетиках, финское масло и финский сервелат в нарезке, — которые потом москвичи и гости столицы доедали в течение нескольких месяцев. Сегодня, во всяком случае, эти и другие продукты не представляют собой дефицита, вокруг них нет никакого ажиотажа. И в этом плане жизнь изменилась кардинально. Да и само общество уже совершенно другое, и страна тоже совершенно другая. И вот уже в такой стране проведение Олимпиады выглядит чем-то естественным и нормальным. А 1980 год — это

чрезвычайное происшествие и для общества, и для власти — включая самого Леонида Ильича Брежнева, которому в его возрасте пришлось произнести речь на открытии Олимпиады на стадионе в Лужниках. Сегодня же — никакой чрезвычайщины, а закономерное следствие того, что Россия сейчас — одна из ведущих спортивных стран. По крайней мере, на последних летних играх в Лондоне мы вошли в первую тройку, и этот результат отражает наше действительное положение в летних видах спорта. Что касается зимних видов, то здесь, как я уже сказал, в силу ряда причин мы неконкурентоспособны в целом ряде новых олимпийских соревнований, да и традиционные виды — лыжи, коньки — у нас не на самом высоком уровне. Поэтому соревноваться за золото мы можем только в очень ограниченном количестве зимних видов — хотя и очень зрелищных типа хоккея или биатлона. Поэтому, еще раз повторю, в Сочи для нас главное — это достойное проведение Олимпиады, а свои награды — реальные, по силам — мы и так получим. И пускай британские СМИ злопыхательствуют по поводу проведения у нас через четыре года мирового футбольного праздника — это их право, как и наше право — не придавать подобным выпадам никакого значения. Безусловно, у нас еще очень много чего можно и нужно критиковать, но главное, что за прошедшие после Олимпиады-80 34 года произошло качественное изменение нашей повседневности. Сочинская Олимпиада станет доказательством того, что существует новая Россия, которая может даже в субтропиках провести зимние игры.

— Когда сегодня пишут и говорят о негативных сторонах Олимпиады в Сочи, называют,

как правило, два фактора — террористическую угрозу и коррупцию. Я бы хотел поговорить о других теневых сторонах не только предстоящей Олимпиады, но и вообще мирового большого спорта. Во-первых, о допингах. Я, конечно, не профессионал, но мне кажется, что сегодняшний большой спорт — это соревнование не столько спортсменов, сколько возможностей стоящих за ними лабораторий по производству неопознаваемых допингов. Во-вторых, что Вы думаете о практике легионерства? Вообще насколько корректно покупать зарубежных спортсменов, а потом выставлять их победы как успех национального спорта?

— Легионеры — это всемирная практика. Во всяком случае, легкоатлеты из африканских стран приезжают, допустим, в Соединенные Штаты, в Великобританию, даже в Норвегию или Азербайджан и добиваются там иногда очень даже больших успехов, особенно в беге на длинные дистанции — на 5 и 10 тысяч метров. С некоторых пор и мы стали приглашать легионеров. У нас есть два известных «зимних» легионера. Один — это южнокорейский специалист по шорт-треку, который сменил не только паспорт, но еще и имя и стал называться Виктор Ан. Он будет пытаться в этом достаточно сложном для нас виде спорта что-то выиграть в Сочи. Другой пример — россиянин американского происхождения Вик Уайлд, он выступает в соревнованиях по сноуборду и слалому. Он просто женился на нашей спортсменке, а потом и гражданство получил. Есть у нас еще такой Александр Глебов — горнолыжник из Словении, судя по фамилии — потомок русских эмигрантов первой волны. Однако подобная практика смены гражданства не получила массового распространения, потому что сильные спорт-

При Черненко мы отказались ехать на Олимпиаду в Лос-Анджелес и не пустили туда наших восточноевропейских товарищей за исключением Румынии. Между тем сила советского спорта на тот момент была исключительной, и вполне возможно, что мы упустили шанс не просто выполнить сталинские установки насчет сбора медального золота, но сделать это на территории нашего главного противника. В конце концов, и в Москве, и в Вашингтоне осознали бесперспективность политики олимпийских бойкотов.

смены могут выйти на мировой уровень и в своих странах. А спортсмены среднего уровня на Олимпиадах очень редко показывают выдающиеся результаты, хотя и такое бывает. Вообще неожиданности на Олимпиадах — обычное дело. — Да, но все эти три спортсмена уже не легионеры, если они сменили паспорта и стали гражданами Российской Федерации. — Легионеров, то есть не сменивших своего гражданства, на Олимпиадах нет. В Олимпиадах спортсмены выступают только за свои страны — это установленная практика. В каких-то видах спорта сменить

спортивное гражданство просто. В каких-то это сделать сложно. В каких-то — вообще невозможно. А такие легионеры, о которых Вы говорите, у нас в основном в клубных командах — футбольных, баскетбольных и особенно волейбольных. В наши волейбольные клубы приезжают лучшие игроки мира. В футболе таких меньше. Особо в связи с этим надо упомянуть Континентальную хоккейную лигу, в которой уже под 30 команд. Это очень перспективный международный проект, в котором легионеры играют видную роль.

— Ну, давайте теперь перейдем к допингу.

— Что касается допинга, то здесь вообще складывается просто фантастическая ситуация. По действующим ныне правилам окончательные итоги сочинской Олимпиады могут быть подведены только в конце февраля 2022 года. Да-да, не удивляйтесь, через 8 лет после окончания самой Олимпиады! То есть через одну Олимпиаду — и после окончания другой Олимпиады 2022 года. Мы даже сегодня пока не знаем, где будут эти игры 2022 года, потому что их столицу станут выбирать в 2015 году — за 7 лет до самой Олимпиады. А все дело в том, что пробы на допинг, взятые на Олимпийских играх, хранятся в течение 8 лет. И было уже несколько случаев, когда, например, в пробах чемпионов Олимпиады в Афинах 2004 года в 2012 году с помощью новых методов, неизвестных в 2004 году, находили запрещен-

Матч Канада–Россия в Ванкувере в 2010 году

ные препараты и лишали спортсменов медалей и чемпионских титулов. Да, в результате приходится проделывать кропотливую работу, переписывать спортивную статистику. То есть, иначе говоря, постфактум переписывать историю Олимпиады, на которой произошел подобный казус. Правда, у всех этих новых методик выявления допинга есть слабые места, которые вообще ставят под сомнение их результаты или даже более того — провоцируют вообще некорректные ситуации. Вот, например, есть такой знаменитый норвежский биатлонист Уле-Эйнар Бьёрндален. Ему сейчас 40 лет, и он собирается участвовать в сочинских соревнованиях. Так вот, этот самый Бьёрндален, который является таким же символом биатлона, как, допустим, Шумахер автогонок, имеет хроническое заболевание — астму. Но это не мешает ему до 40 лет бегать на лыжах с вин-

товкой и показывать фантастические результаты. Но при этом Бьёрндален принимает разрешенные ему, но не разрешенные другим спортсменам препараты. Сам факт подобного рода исключения симптоматичен. Выходит, кому-то можно, пускай и по показаниям, а кому-то — нет. А может, тот, кому можно по показаниям, и результатов добивается именно в силу такого эксклюзивного права? То есть вопросов по поводу допинг-контроля много. Кстати, Бьёрндален, как говорят, собирается завершить спортивную карьеру и заняться как раз борьбой с допингом.

Исход сочинской Олимпиады будет положительным уже хотя бы потому, что не произойдет такого провала, какой случился на последних зимних играх в Ванкувере, где мы смогли выиграть только 3 золотые медали и к тому же потерпели сокрушительное поражение в хоккее от канадцев. А лучше Ванкувера — это уже хорошо, это уже подъем на новый уровень. Да и главное, что Россия получила возможность провести этот яркий мировой спортивный праздник.

— Он намеревается это сделать сейчас — после Сочи?

— Да. Но если этот человек будет заниматься борьбой с допингами, то вопросы все равно останутся. Он, бесспорно, великий спортсмен — но великий в том числе и благодаря своему заболеванию. Мы живем в эпоху самой настоящей гонки допингов. Когда была московская Олимпиада, да и вообще в 1980-е годы, такого и близко не было. Тогда существовали грубые виды допинга, на которых попадались, как правило, штангисты и легкоатлеты. Сейчас же мы сталкиваемся с буквально чудесами химии и биологии. И в са-

мом допинг-контроле произошла, так сказать, производственная революция. Скажем, если в 1980 году проблема заключалась в том, что кого-то поймали, а кого-то не поймали, то в 2014 году всё совершенно иначе — есть идентифицируемые виды допинга, а есть неидентифицируемые. Пока, во всяком случае. Вот поэтому мы и будем ждать окончательных результатов сочинской Олимпиады еще 8 лет. А потом станем дезавуировать награды, если в пробах у кого-то из сочинских чемпионов будет найдено что-то доселе неизвестное и, несомненно, запрещенное. Приведу еще один пример. Знаменитый американский велогонщик Лэнс Армстронг всегда всех уверял, что никогда ничего не принимал. Потом выяснилось, что принимал, причем в фантастических количествах. Армстронга лишили всех завоеванных им спортивных титулов. Но как в итоге воспринимать его спортивную карьеру? Ведь в свое время он стал знаменитым во всем мире, а потом уже — постфактум — гораздо меньшее число людей узнали о том, что его лишили всех наград и титулов за употребление допинга. То есть у этой проблемы очень сложные и процедурный, и морально-этический аспекты.

— Юрий Аркадьевич, Вы уже приводили пример с откровенно неспортивным противостоянием югославской и советской футбольных команд на Олимпиаде в Хельсинки. Можно вспомнить и другой случай аналогичного неспортивного поведения — знаменитую историю с кровью в бассейне во время соревнования по водному поло между венгерскими и нашими олимпийцами на Олимпиаде в Мельбурне в 56-м — по свежим следам венгерских событий. Но ведь и в Сочи ожидаются подобные политические демарши. Конечно, эти демарши будут

более сдержанными, никто ни с кем драки устраивать не станет, но демарши от этого не утратят своей политической заостренности. Я имею в виду готовящиеся отдельными западными спортсменами и спортсменками демонстративные акции протеста против принятых у нас законов, якобы ущемляющих права сексуальных меньшинств. Например, некоторые спортсменки собираются покрасить себе ногти в радужные цвета...

— Нашим спортсменам никто не мешает появиться где-нибудь в майке с изображением очень нелюбимого американской властью Эдварда Сноудена. Мне кажется, это будет наш симметричный ответ на радужный лак для ногтей. Да и в конце концов, при всей остроте вопроса о сексуальных меньшинствах он находится где-то на периферии общественного сознания, причем не только у нас, но и на Западе, где подавляющее большинство населения составляют обычные нормальные люди, которым вся эта возня вокруг лиц с нетрадиционной ориентацией, наверное, не очень интересна. Конечно, без подобного рода пиар-битв в Сочи вряд ли обойдется. Там ведь даже какая-то специальная площадка для политических акций выделена. Но можно с полной уверенностью сказать, что никого за радужные ногти задерживать не будут.

— Задерживать, понятно, никто никого не будет. Но вот стоило только Исинбаевой в прошлом году сделать в общем-то совершенно мягкое замечание по поводу радужных ногтей — мол, надо уважать законы страны, в которую вы приехали выступать, — как на нее посыпался целый шквал критики. Так что это еще вопрос — кого надо защищать: тех, у которых радужные ногти, или тех, которые делают им замечания.

— Ну, в конце концов, мы ведь

живем в свободном обществе. Да к тому же, как мне кажется, Исинбаевой этот скандал не только не повредил, но и прибавил популярности во всем мире. В конце концов, не так уж много людей, которые интересуются женскими прыжками с шестом. А когда наша олимпийская чемпионка стала хорошо известной не только в России, но и на Западе. Если же говорить по сути вопроса, то любой человек — в том числе и олимпийская чемпионка — имеет право на высказывание собственного мнения, и ничего ужасного — даже с точки зрения западных ценностей — в этом нет. На Западе очень многие выступают против каких-то исключительных, особых прав для сексуальных меньшинств. Но все-таки, как мне кажется, не радужные ногти и не портреты Сноудена будут делать погоду в Сочи. Возможно, они и привлекут к себе внимание, но погоду делать точно не будут. — Юрий Аркадьевич, практически всё, о чем мы с Вами сейчас говорим, имеет самое непосредственное отношение к информационному сопровождению большого спорта, к медийной политике в этой сфере. Мы уже затронули вопрос о том, как многие наши оппоненты пытаются выставлять Олимпиаду в Сочи в негативном свете. Но вот как Вы оцениваете официальную информационную кампанию по освещению предстоящих игр? Что в ней стоило бы подрегулировать? Или всё нормально, эффективно и вполне конкурентоспособно на фоне непрекращающейся критики со стороны внешних и внутренних оппонентов?

— Давайте опять-таки проведем сравнение с 1980 годом. Тогда Олимпиада стала из ряда вон выходящим событием, она мобилизовала всю страну. Поэтому все наши тогдашние СМИ усиленно формирова-

ли заранее утвержденный «сверху» канонический образ Олимпиады, формировали определенные ожидания этого события. Но всё это было в закрытом советском обществе. Сейчас всё иначе. Поэтому нет какого-то единого — обязательного для всех СМИ — шаблона, жесткой установки, как надо освещать предстоящую Олимпиаду. Другое дело, что, конечно, о каких-то деталях информационной политики следовало бы подумать лучше. Возьмем, например, эстафету олимпийского огня, которая для каждого региона, где она проходит, является выдающимся событием. Но вот нужно ли ежедневно на федеральных каналах делать репортажи об этой эстафете — об этом стоит подумать.

— То есть Вы считаете, что в репортажах о передвижении олимпийского огня по стране есть определенный перекося?

— Очень трудно сделать так, чтобы освещение эстафеты не было перекошенным. Просто хотя бы уже потому, что это очень длительная процедура. В 1980 году люди толпами выходили смотреть на бег с олимпийским огнем — они были уверены, что такое они могут увидеть лишь раз в жизни. Никто тогда — особенно после объявления бойкота — и не предполагал, что у нас когда-либо может пройти еще одна Олимпиада. Сейчас эстафета — повторяю еще раз — это важное событие прежде всего для самих регионов. И это совершенно правильное решение, что олимпийский огонь проносят по всем регионам Российской Федерации, подчеркивая тем самым значимость каждого из них в составе нашей страны.

— Ну, а все-таки, если вернуться к вопросу об официальном освещении Олимпиады, не кажется ли Вам, что тем российским СМИ, которые стоят на государственнической позиции,

1980 год — это чрезвычайное происшествие и для общества, и для власти — включая самого Леонида Ильича Брежнева (на фото с главой МОК лордом Килланином), которому в его возрасте пришлось произнести речь на открытии Олимпиады на стадионе в Лужниках. Сегодня же — никакой чрезвычайщины, а закономерное следствие того, что Россия сейчас — одна из ведущих спортивных стран.

следовало бы быть более зубастыми, более непримиримыми в отношении всей той агрессивной информационной кампании, которая ведется нашими недоброжелателями?

— К сожалению, у нас — как, впрочем, и во всем мире — СМИ падки прежде всего на сенсации, на «жареные» новости и факты. Это — закон информационного бизнеса, и ничего с этим не поделаешь. Если тот, кто занимается информационным бизнесом, хочет быть эффективным и конкурентоспособным, он обязан следовать этому закону. Отсюда и все эти разговоры о коррупции. Насколько они соответствуют действительности — отдельный вопрос. Я думаю, что масштабы коррупции, о которой говорится применительно к подготовке Олимпиады, невероятно ги-

пертрофированы. А как же иначе? А то не получится сенсации. Интересно будет увидеть кратность такой гипертрофии, когда соответствующие органы после Олимпиады дадут собственную оценку нарушениям и злоупотреблениям, имевшим место на самом деле. Вот тогда и можно будет судить о подлинных масштабах коррупции. А когда президент Международной федерации лыжного спорта, член Международного олимпийского комитета Жан-Франко Каспер говорит, что третья часть средств, выделенных на подготовку Олимпиады, оказалась разворованной, то мне кажется, этот человек все же не обладает — даже приблизительно — достоверной и полной информацией. То, что в России есть коррупция, ни для кого не

РИА Новости

У нас есть два известных «зимних» легионера. Один – это южнокорейский специалист по шорт-треку, который сменил не только паспорт, но еще и имя и стал называться Виктор Ан (на фото). Он будет пытаться в этом достаточно сложном для нас виде спорта что-то выиграть в Сочи. Другой пример – россиянин американского происхождения Вик Уайлд, он выступит в соревнованиях по сноуборду и слалому.

секрет. Но ее масштабы пускай оценивают компетентные органы, а не журналисты и не спортивные функционеры. Если же говорить о том, как будут освещаться сами игры, то здесь, вероятно, нас ожидает такая картина. В советское время в СМИ строго выдерживался определенный баланс между информацией о приоритетных и наиболее популярных видах спорта – футболе и хоккее – и рассказом об остальной спортивной жизни. Сейчас такого строго баланса уже нет, но преимущественное внимание по-прежнему уделяется этим зрелищным играм. Если мы возьмем

какое-нибудь специализированное спортивное издание, то информацию об Олимпиаде мы там увидим далеко не на первом месте. Да что там говорить – ведь даже зимой, когда наступает естественный перерыв в футбольном сезоне, половина площадей всей печатной спортивной периодики по-прежнему отводится под новости этой игры. Пишут, например, что футболист Н. перешел в команду Б. и станет теперь в этом клубе получать столько-то. Эту же новость будут обсуждать и во время Олимпиады, хотя и не как первостепенную, – всё внимание сконцентрируется

вокруг того, что происходит в Сочи. Тогда-то мы с удивлением и узнаем, что в России, как оказывается, имеется собственная школа по какому-нибудь диковинному виду спорта. Нам даже компетентно или не очень компетентно объяснят, что это за люди – наши спортсмены в данном виде спорта, откуда они, как складывалась их спортивная судьба. Если же им удастся что-то завоевать, то это будет преподнесено как выдающийся успех отечественной школы этого вида спорта. Однако вся страна с удивлением впервые будет взирать на своего героя и запомнит его только в том случае, если он станет олимпийским чемпионом. А завершается Олимпиада – прекращается и массовый интерес к большинству олимпийских видов спорта. Вообще из зимних видов у нас сейчас популярен – помимо хоккея, конечно, – только биатлон, который телевидение всячески

РИА Новости

раскручивает и очень зрелищно показывает. В результате мы очень хорошо знаем не только известных биатлонистов, что естественно, но и тех, которые занимают места даже не в первой десятке. А вот наших лыжников, некогда славившихся своими спортивными подвигами, мы знаем уже заметно хуже. Это и понятно: после биатлона смотреть лыжные гонки достаточно скучно. Телезритель-то нынешний — человек искушенный. Около сотни телеканалов в обычной московской квартире, из которых десятков, а то и больше, составляют исключительно спортивные каналы, — это факт, который сегодня нельзя не учитывать. Поэтому освещение Олимпиады сейчас идет и будет идти по тем стандартам подачи информации, в соответствии с которыми работают современные СМИ. Вот в Советском Союзе была одна центральная спортивная газета, которая называлась «Советский спорт». Она и сейчас выходит — причем под тем же самым названием. Ну, это про-

Знаменитый норвежский биатлонист Уле-Эйнар Бьёрндален (на фото), который является таким же символом биатлона, как, допустим, Шумахер автогонок, имеет хроническое заболевание — астму. Это не мешает ему до 40 лет бегать на лыжах с винтовкой и показывать фантастические результаты. Но при этом Бьёрндален принимает разрешенные ему, но не разрешенные другим спортсменам препараты. Сам факт подобного рода исключения симптоматичен.

считанный рекламный ход, призванный подчеркнуть преемственность лучших традиций издания, которые уходят своим корнями в далекое советское прошлое. Собственно точно так же поступили и «Комсомольская правда» с «Московским комсомольцем». Так вот, «Советский спорт» по-прежнему издается, только, естественно, гораздо меньшим тиражом. В прежние времена тираж доходил до 5 миллионов 300 тысяч — и это притом что он был лимитированным. Если бы он не был лимитированным, то тираж далеко превысил бы тираж главной газеты — «Правды», — чего власть никак не могла допустить. Сейчас тираж ни одной спортивной газеты не пре-

вышает 250 тысяч. Это официально, то, что указывается в газете. А что уж там на самом деле — никто не знает, но поправки тут могут быть только в сторону уменьшения.

— Но все-таки главное сейчас не газеты, а телевидение и Интернет.

— Спортивные каналы у нас есть, причем не только семейства НТВ-ПЛЮС, за которые в большинстве случаев приходится платить. Есть, правда, там один канал, который доступен в мультиплексе, но из него всю картину не узнаешь. Есть спортивные каналы ВГТРК и два канала *Eurosport*, которые, насколько я знаю, принимаются практически на всей территории нашей страны. Поэтому телевизионного

Без пиар-битв в Сочи вряд ли обойдется. Там ведь даже какая-то специальная площадка для политических акций выделена. Но все-таки, как мне кажется, не радужные ногти и не портреты Сноудена будут делать погоду в Сочи. Возможно, они и привлекут к себе внимание, но погоду делать точно не будут.

спорта достаточно – чтобы его посмотреть, не нужно прилагать особых усилий. А если даже и за плату, то это совсем небольшие деньги, подъемные для людей даже не с самым большим достатком. Много спорта и в Интернете – есть сайты, на которых можно смотреть всё что угодно. В этом смысле Интернет, конечно, осуществил информационную революцию вообще – и в освещении спортивной жизни в частности. И не будет преувеличением сказать, что мы сегодня живем в условиях открытого информационного спортивного общества. Кстати, насколько я знаю, бесплатные интернет-трансляции Олимпиады предусмотрены, по

крайней мере, на территории Российской Федерации. То есть человек сможет сам выбирать, что ему смотреть – официальные каналы, где будет информационная «нарезка», соревнования в записи или в режиме реального времени. Сейчас все это очень и очень доступно. Даже 4 года назад, в 2010 году, во время Олимпиады в Ванкувере, таких форматов еще не было. Словом, те, которые не смогут попасть в Сочи лично, будут иметь возможность увидеть абсолютно всё – и даже гораздо подробнее и удобнее, чем с трибун спортивных объектов, – по телевизору или в Интернете.

– Олимпиада-80 стала первым масштабным международным

событием, проведенным в нашей стране после молодежного фестиваля 57-го. Между этими событиями – целая эпоха, 23 года. За это время Советский Союз сильно изменился. Поэтому вряд ли опыт подготовки и проведения молодежного фестиваля был как-то учтен и использован в 80-м. Но вот уже московская Олимпиада, похоже, задала определенную рамку и стилистику подобных мероприятий для всей последующей позднесоветской эпохи. К примеру, молодежный фестиваль 85-го по многим своим организационным моментам явился репликой Олимпиады-80. Но это всё – советское прошлое. А у России вплоть до Сочи не было опыта устройства чего-то подобного. То есть, готовясь к Сочи, всё делали с чистого листа?

– Почему не было? Только в прошлом году у нас состоялись два мероприятия олимпийского формата, которые

приковывали к себе внимание всего мира. Это, во-первых, прошедший в Москве Чемпионат мира по легкой атлетике. А легкая атлетика — это основа олимпийских видов спорта. И это спортивное событие сопоставимо по своему статусу с летней Олимпиадой. Между прочим, в былые времена ради мероприятия такого масштаба Москву бы изрядно почистили — ввели бы особый режим временного пребывания, всячески выдавливали бы москвичей из столицы — на дачи или на курорты, как-нибудь изолировали бы разных асоциальных элементов. Да, согласен, чемпионат был в августе, когда многие действительно на отдыхе, но никакие особые режимные ограничения на время его проведения не вводились, событие состоялось в условиях, как говорится, обычной московской жизни. Во-вторых, могу назвать Универсиаду в Казани, которая состоялась на очень высоком уровне и показала, что Россия способна проводить крупные международные спортивные соревнования не только в обеих своих столицах. Там же, в Казани, в 2015 году пройдет Чемпионат мира по водным видам спорта. А в 2018 году будет Чемпионат мира по футболу, который вполне может пройти в том же контрольном режиме, что и прошлогодний Чемпионат мира по легкой атлетике, когда не надо будет иностранным участникам получать наши визы. Об этом уже заявлено — и, думаю, тут никаких проблем не возникнет. И уж тем более невозможен возврат к советской практике — зачисткам городов, в которых проходит нечто крупное и международного уровня, как от местных жителей, так и от всех остальных. Да даже и сейчас, когда по вполне понятным причинам режим пребывания в Сочи заметно формализован,

Москва во время Олимпиады будет жить обычной жизнью. Терроризм — это сегодня общая угроза для всех цивилизованных стран, мы тут не исключение. Например, во время летней Олимпиады 1996 года в Атланте был совершен теракт, в результате которого были убитые и раненые. Американцы попытались минимизировать разговоры об этом событии, но оно же было, его не вычеркнешь. А вспомним самый громкий теракт на Олимпиаде — убийство израильских спортсменов в Мюнхене в 1972 году палестинскими террористами из группировки «Черный сентябрь». Да, Олимпиада — это такое событие, которое привлекает внимание всего мирового сообщества — в том числе, к сожалению, и террористического. Ну, а возвращаясь к разговору о значении советского опыта проведения масштабных международных мероприятий, хочу еще добавить, что оба молодежных фестиваля — и 57-го, и 85-го — все-таки были в совершенно другую эпоху. Поэтому их опыт вряд ли сегодня представляет какой-то интерес для организаторов сочинской Олимпиады. Да даже и между обоими этими фестивалями была большая разница. 57-й год — это всего лишь следующий год после XX съезда, а 85-й — уже начало перестройки. Пускай самое начало — но тем не менее. По крайней мере, совсем другое общество — во всяком случае, привыкшее видеть в Москве иностранцев, причем в немалом количестве.

— **Когда в общественном сознании на протяжении длительного времени присутствует ожидание какого-либо события — неважно, какого именно: положительного или отрицательного, — по прошествии этого события общество существенно меняется. Происходит либо качественный скачок в развитии в**

результате всеобщего восторга, либо наступает депрессия как следствие всеохватывающего разочарования, либо что-то другое. Ожидание Олимпиады-80 было ярким и поддерживалось всеми возможными тогда информационными средствами. Привело ли это ожидание к какому-то серьезному изменению советского общества? А что можно сказать про Сочи? Точнее, спрогнозировать — Олимпиада-то еще даже не началась. Что будет после ее завершения? Россия сейчас — это не СССР 80-го, нас ничем уже не удивишь. Но тем не менее мы 7 лет жили в ожидании этого события, и просто не может быть, чтобы оно прошло и никак не отразилось на состоянии общества.

— Мне кажется, что после Олимпиады ничего качественным образом не изменится. Да даже и после московской Олимпиады-80 ничего не изменилось, хотя тогда, между прочим, существовала связь — и довольно сильная — между большим спортом и массовой физкультурой. А сейчас массовой физкультуры вообще нет. Она требует немалых инвестиций, а в условиях рыночной экономики это не всегда возможно. Скажем так, организаторы тех или иных спортивных мероприятий отдельных корпораций вовсе не нацелены на то, чтобы из этих мероприятий вырастали будущие чемпионы. Система детско-юношеских спортивных школ разрушена. Поэтому вряд ли кто-то из наших сегодняшних детей или подростков, посмотрев репортажи из Сочи, побегит повторять подвиги российских олимпийских чемпионов. Эти времена давно прошли, а равнодушные общества кажется непреодолимым. Отсутствие единой и монополярной идеологии — даже такой, какой она была в пору Олимпиады-80 — не в самом своем цвету-

Сейчас эстафета олимпийского огня – это важное событие прежде всего для самих регионов. И это совершенно правильное решение, что олимпийский огонь проносят по всем регионам Российской Федерации, подчеркивая тем самым значимость каждого из них в составе нашей страны.

шем виде, — создает ситуацию, когда общество вообще пронять чем-либо очень трудно. Вот, кстати, парадокс: чем больше у нас разного рода трагических событий, тем равнодушнее наше общество. Конечно, возможен какой-то всплеск негативных эмоций — подобно тому, какой был после Ванкувера, когда устраивали «разбор полетов» по результатам нашего неудачного там выступления. Если нечто подобное произойдет и на этот раз, то, видимо, снова всё спишут на спортивных чиновников, которые плохо подготовили наших спортсменов к Олимпиаде. Хотя это будет совсем неправильно, потому что с точки зрения финансового обеспечения мы очень много по-

тратили на подготовку наших олимпийцев. Деньги были вложены, причем очень часто даже с горкой. Я бы, наверное, Ваш вопрос переформулировал иначе: станет ли Олимпиада событием в ряду других событий, которые делают нашу страну одним из центров мирового спорта? И на такой вопрос следует ответить положительно, тем более что в ближайшие годы у нас состоятся и другие крупные международные спортивные мероприятия, о которых мы с Вами уже говорили. То есть тенденция, похоже, уже однозначно вырисовывается — Россия становится ведущей спортивной державой, во всяком случае, в роли организатора масштабных соревнований. А вот уже из этого утверждения напря-

мую следует, что такие акции вообще перестанут восприниматься как что-то незаурядное, особенное, необычное. Мы привыкнем к роли хозяев международных праздников спорта.

— То есть Вы хотите сказать, что такая роль станет для нас чем-то заурядным, повседневностью?

— Именно так — стилем жизни, делом сугубо личного вкуса и своих собственных пристрастий и интересов. Ведь, например, таких людей, которым интересны все 98 пунктов олимпийской программы, просто нет. Я имею в виду не чиновников-организаторов Олимпиады, а зрителей. Во всяком случае, я таких не знаю. К тому же не будем забывать, что если летняя Олимпиада проходит в период массовых отпусков, то в феврале практически все работают и поэтому не смогут следить за происходящим в Сочи в полном объеме и будут довольствоваться новостными свод-

ками. Потом следует подчеркнуть еще один важный нюанс. Чтобы информация о том, что происходит в спорте, заняла свое адекватное — подчеркиваю, адекватное — место в повседневной жизни человека, чтобы ей можно было бы спокойно интересоваться — равно как и не интересоваться, спорт должен стать именно спортом, а не быть некой спортивной составляющей политики. Пока что мы наблюдаем совершенно противоположную картину: и для власти, и для ее критиков Олимпиада в частности и спорт вообще — это дополнительное, причем очень важное, пространство собственного пиара. Я уже не говорю о спортивных чиновниках, для которых Олимпиада явится просто тестом на их эффективность. В этом смысле весьма симптоматичны перемены в официальных заявлениях того же министра спорта Виталия Мутко. Раньше он все время говорил, что Россия выиграет Олимпиаду по всем возможным параметрам. Эти заявления есть в открытых источниках информации, в Сети, всё можно посмотреть и проверить. Но недавно он вдруг заявил, что лично он воспримет как успех четвертое место нашей сборной. Причем министр спорта не назвал параметров этого места — либо это командный зачет, либо общее число медалей. Поступил он так случайно или преднамеренно? Не знаю, но если исходить из здравого смысла и трезвого расчета, то, видимо, он имел в виду последнее. С преобладанием, допустим, бронзовых медалей, как это было в Ванкувере. Ближе к Олимпиаде вообще заговорили об отсутствии у нас медального плана...

— **Плана? Значит, подсознательно сталинский подход к большому спорту живет и побеждает...**

— Нет, ну, это неизбежный условный критерий — ведь по каким-то параметрам нашим ответственным за спорт придется после Олимпиады определять ее результативность для российской сборной. Но даже если мы возьмем самый негативный вариант — мы не выигрываем ни одной медали, но вместе с тем проводим Олимпиаду на самом высоком уровне, — то это, безусловно, будет наша специфическая, особая, но все же олимпийская победа. В жизни страны это будет яркое и примечательное событие.

— **Юрий Аркадьевич, а Паралимпийские игры — это сегодня уже обязательное дополнение к Олимпиадам и вообще к большому профессиональному спорту?**

— Паралимпийский спорт тоже во многом профессиональный. И в нем тоже вращаются большие деньги, потому что, скажем, к инвалидам с различными заболеваниями должны быть приставлены люди, которые им помогают. Подобного рода мероприятия появились в мировом спорте сравнительно недавно — с 90-х годов прошлого века. И с тех пор после каждой Олимпиады проводятся Паралимпийские игры.

— **А паралимпийские чемпионаты мира по отдельным видам спорта проводятся?**

— Есть, просто они значительно меньше освещаются. Да я уверен, что если бы не Олимпиада в Сочи, после которой там же пройдут Паралимпийские игры, то последние вообще не получили бы у нас такую широкую известность, как сейчас. Вот видите, Вы задаете вопрос, который говорит о том, что Вы мало что знаете о паралимпийском движении. И очень многие не знают. А сейчас Паралимпийские игры широко разрекламированы — фактически как составная часть Олимпиады.

Повсюду я вижу рекламу не только самой Олимпиады, но и последующей Паралимпиады. Даже целый состав в московском метро оформлен рекламой Паралимпийских игр. Ну, а вообще Паралимпиада — это как бы результат проявления олимпийского гуманизма. Паралимпийские игры подчеркивают, что олимпийская семья состоит не только из здоровых атлетов, но еще и из людей с ограниченными физическими возможностями. Ведь многие из таких людей только спортом и живут — в смысле только через спорт и реализуют себя в социальном плане. Естественно, в паралимпийском спорте существует своя классификация. Между собой соревнуются люди, имеющие аналогичные ограничения по своим физическим возможностям. И конечно, паралимпийцы заслуживают несравненно большего уважения, чем обычные спортсмены. Ведь они не сложились, преодолели и продолжают преодолевать колоссальные жизненные трудности и при этом выступают на достаточно высоком профессиональном уровне. Хотя, конечно, признаюсь, смотреть соревнования паралимпийцев по телевизору порой нелегко. В то же время очень важно, чтобы эта гуманистическая тенденция — абсолютно правильная и необходимая — не дошла до абсурда. Скажем, чтобы не возникла традиция после Паралимпиады проводить какой-нибудь аналог Олимпиады для сексуальных меньшинств.

— **Этого не будет, ведь эти меньшинства как раз не хотят изоляции. Они всячески доказывают, что они не просто имеют право на всё то, чем занимаются люди традиционной ориентации, но и способны делать это гораздо лучше «натуралов».**

— Между тем существуют какие-то всемирные игры для

Во многих семьях до сих пор хранятся какие-нибудь тарелки, чашки, украшения и другие сувениры со стилизованной московской высоткой со спортивными кольцами или с хорошо нам всем знакомым мишкой. А сейчас, притом что сочинская символика смотрит на нас буквально отовсюду, я бы не сказал, что она пользуется такой же популярностью. Ничего страшного тут нет – просто спорт, пускай даже и олимпийский, превратился в нечто более утилитарное и менее громкое.

людей с нетрадиционной ориентацией. Но к ним Международный олимпийский комитет и олимпийское движение вообще не имеют никакого отношения.

– Уготована ли сочинским талисманам – белому медведю,

зайцу и леопарду – такая же популярность, какую стяжал олимпийский мишка в 80-м?

– Конечно нет – и это совершенно нормально. Опять-таки повторю, что московская Олимпиада стала экстраординарным событием для нашей

советской действительности. И соответственно всё, что с ней было связано, априорно становилось популярным – и оставалось таковым еще долгие и долгие годы после 1980-го. И во многих семьях до сих пор хранятся какие-нибудь тарелки, чашки, украшения и другие сувениры со стилизованной московской высоткой со спортивными кольцами или с хорошо нам всем знакомым мишкой. А сейчас, притом что сочинская символика смотрит на нас буквально отовсюду, я бы не сказал, что она пользуется такой же популярностью. Но еще раз повторю: ничего страшного тут нет – просто спорт, пускай даже и олимпийский, превратился в нечто более утилитарное и менее громкое.

– Не праздничное, а повседневное.

– Совершенно верно.

– Юрий Аркадьевич, ну, а что будет в Сочи после Олимпиады? Как будут использоваться многочисленные спортивные объекты? В Москве, понятно, всё оказалось кстати после Олимпиады-80, всё задействовано в полной мере. Но Сочи ведь хотя и крупный город, но всё-таки далеко не Москва. И что Вы знаете об амбициозном сочинском проекте «Остров Федерация»? Лично я в последнее время ничего о нем не слышал.

– Я тоже ничего об этом не знаю. Но главная проблема мне все-таки видится не в судьбе «Острова Федерации», а в том, что значительная часть олимпийских объектов в Сочи, что называется, одноразового использования. Для этого города – пускай и крупного курортного города, пускай и нашей южной столицы, как стали в последнее время именовать Сочи, – просто не нужно такое количество спортивных объектов. Похоже, уже принято решение, что в Сочи будет базироваться хоккейный клуб Континен-

тальной хоккейной лиги — чтобы там Ледовый дворец «Большой» не простаивал. Но всё равно многие из олимпийских объектов придется либо демонтировать, либо хорошенько подумать и найти им применение.

— **Юрий Аркадьевич, и наконец, последний вопрос. Во время нашей беседы Вы неоднократно подчеркивали мысль, что все-таки главное отличие сочинской Олимпиады от московской Олимпиады в том, что тогда это было нечто феерически-фантастическое, а сейчас воспринимается как что-то обычное, повседневное, даже рутинное. Да, конечно, Сочи — это праздник спорта, но в общем-то — в оценке среднестатистического россиянина — всё обычно. И самое главное — очень далеко от его реальных повседневных забот. И вот на таком фоне после Олимпиады стоит ли ожидать какого-то изменения отношения такого среднестатистического россиянина к спорту вообще, к спорту как к зрелищу, к спорту как к политике, к спорту как к бизнесу — в том числе и теневому, к спорту как к собственным занятиям утренней гимнастикой? Или же мы молча, что называется, «прожужаем» Олимпиаду и будем дальше «жевать» казанское мировое первенство 15-го года и футбольный чемпионат 18-го?**

— С 91-го года мы живем в совершенно другой стране. И любые спортивные события по всему миру нам не просто доступны — по телевидению или по Интернету, о чем мы уже говорили, — они в прямом смысле этого слова стали достижимыми, так как любой гражданин РФ может лично побывать на любом спортивном событии в любой точке мира. И никто не станет ему чинить никакие препятствия. Другое дело, что далеко не всякий может себе это позволить по материальным сообра-

жениям. Но никаких политических препятствий больше нет. И таких людей, которые ездят на Олимпиады и мировые первенства по разным видам спорта, в нашей стране достаточно много. Как правило, это среднестатистические офисные менеджеры не самого субтильного телосложения. И когда они сбиваются в стаи, получается то, что произошло на Чемпионате Европы по футболу в Польше в позапрошлом году. Тогда российские и польские болельщики сначала бились в кровь, а потом ходили в соответствующем состоянии в обнимку по берегу Вислы и распевали «Катюшу» по-русски и по-польски. Но и драки, и последующие объятия мало изменили наши взаимоотношения. Общественное сознание, общественные пристрастия и интересы — вещь очень консервативная. Увы, надо признать, что в отношении спорта в восприятии наших соотечественников держатся устойчивые стереотипы. Значительная часть нашего населения никаким спортом и близко не интересуется. Да более того, не менее значительная часть граждан РФ не смотрят ни программу «Время», ни какие-либо другие информационные передачи. Аудитория интернет-пользователей весьма специфическая — я не скажу, что они просиживают в Сети ночи напролет из-за спортивных программ и спортивной аналитики. Я даже допускаю, что есть в России и такие, которые вообще ничего не слышали ни про какую Олимпиаду в Сочи. Но таких, разумеется, единицы. Поэтому, отвечая на Ваш вопрос, я хочу подчеркнуть главную мысль: в повседневном отношении среднестатистического россиянина к спорту Олимпиада не изменит ничего. Но это ни в коем случае не должно ослаблять поли-

тику государства, направленную на поддержание спорта как важнейшей стороны общественной жизни — пускай и не в смысле массовых занятий физкультурой, а в смысле восприятия информации о спорте, оценки на глазах формируемого статуса страны как одного из мировых центров большого спорта, превращения этого большого спорта в естественный и органичный элемент нашей повседневности. Если мы начнем разделять перечисленные мировоззренческие установки, то это уже будет значительный шаг вперед в деле формирования новых массовых стереотипов в отношении спорта. Конечно, быстрых результатов здесь ждать не стоит — для воспитания или коррекции общественных вкусов требуются значительное время и серьезные усилия. Но эти затраты в случае хотя бы минимального успеха принесут ощутимые результаты. Хотя бы подтолкнут людей к регулярным занятиям физкультурой. Я уже не говорю о том, что определенная мода на спорт — это сегодня неременное требование для нахождения в клубе ведущих мировых держав. В конце концов, глобализация — данность, с которой нельзя не считаться.

— **Юрий Аркадьевич, благодарю Вас за очень обстоятельный и содержательный разговор накануне Олимпиады в Сочи. Будем болеть за наших, будем надеяться на результаты — во всяком случае, лучше ванкуверских. А Вам хочется пожелать новых публикаций по истории отечественного спорта, которые — помимо сугубо просветительской функции — будут играть еще и важную воспитательную роль и все-таки не дадут нам окончательно скатиться к восприятию спорта как одной из многочисленных медийных повседневностей.**